

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ АКЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

© 2006 А.В. Леонова

Новосибирский государственный технический университет

Понятие контролируемости/неконтролируемости привлекает внимание многих лингвистов. В последние годы в работах С. Дика, Р. Ван Валина и У. Фоли, Т. Гивона, А. Вежбицкой, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, Т. В. Булыгиной, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, И. Б. Шатуновского, А. А. Зализняк, Г. И. Кустовой, Ю. П. Князева, Т. И. Стексовой и др. активно обсуждается вопрос о статусе этого явления: одним контролируемость представляется семантическим свойством предиката, “неактуальным свойством отвлеченных от действительности и тем самым от конкретного субъекта ситуаций” (И. Б. Шатуновский [9, 191–192]), другим – признаком конкретной ситуации и (на ином уровне абстракции) семантической категорией (см. работы Т. В. Булыгиной и А. А. Зализняк [2; 3]). Эти два подхода в определении контролируемости, как нам кажется, не являются взаимоисключающими; они преследуют разные цели: лексическая характеристика предиката может связываться с задачей лексикографического описания предикатных лексем (ср. точку зрения В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной [6]), описание ситуации в целом входит в круг задач семантического синтаксиса и функциональной грамматики. Таким образом, хотя в понятие контроля вкладывается разное содержание, все исследователи убеждены в его необходимости при создании семантической типологии предикатов, а также уточнении таких понятий, как агентивность, намеренность, цель, каузация и др.

В связи с нерегулярным составом средств выражения семантические категории, как правило, имеют полевою структуру средств выражения (ФСР), ядром которой являются специализированные грамматические средства, а периферию составляют отдельные лексемы, метафоры-метонимические средства и пр. В лингвистической литературе не раз указывалась особая роль категории безличности в выражении семантики неконтролируемости (А. М. Пеш-

ковский, В. В. Виноградов, В. М. Павлов, Н. Д. Арутюнова, А. Мустайоки, М. В. Копотев и др.). Кажется целесообразным считать безличные конструкции грамматикализированным ядром поля неконтролируемости. Приведем пример ситуации неконтролируемого действия, изображаемой безличной конструкцией Vf_3+N_3 : *Бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцует, бывало, да и только* (Н. В. Гоголь). Лексико-грамматическими средствами выражения семантики неконтролируемости также являются, по мнению М. А. Шелякина, Н. А. Янко-Триницкой, некоторые возвратные глаголы [10; 11], глаголы невольного осуществления (см. работу Т. И. Стексовой [7]), наречия *невольно, нечаянно, случайно* [5] и другие маркеры непреднамеренности действия.

Немаловажным в обращении к проблематике контроля является то обстоятельство, что эта категория в силу экстралингвистических причин становится весьма актуальной для языкового сознания рубежа веков. Выражения “установить/потерять контроль”, “ситуация под контролем”, “(не) контролировать ситуацию” становятся приметой времени и употребляются не только в публицистике, но проникают в художественные произведения и разговорную речь, ср.: – *Елизавета Тимофеевна? Тут Николай Галкин. Говорит: брат... Хорошо, пропускаю... Да вы меня не ругайте! Я к вам с уважением и симпатией отношусь, оттого и ваших гостей контролирую* (Ю. А. Пупынин).

Поскольку наше исследование проводится на стыке семантического синтаксиса и функциональной грамматики, в центре внимания данной статьи находится исследование системы вариативности акциональных неконтролируемых ситуаций (далее – АНС). Контролируемость/неконтролируемость понимается, с одной стороны, как актуальный признак акциональной ситуации и как семантическая категория, с другой.

Изучение АНС проводится с опорой на понятие категориальной ситуации, которую, вслед за А. В. Бондарко, понимаем как “реализацию элементов определенной семантической категории и конституируемого ею ФСП в высказывании” [1, 28] с тем уточнением, что АНС является реализацией периферийной области семантического пространства акциональности.

Понятие контролируемости изучалось в связи с модальной характеристикой действия (целенаправленностью, намеренностью, волей субъекта при совершении действия) и в меньшей степени с участием сознания в осуществлении действия, поэтому большая часть тестов на выявление семантики неконтролируемости ориентирована на невозможность реализации целевой установки в высказывании, отражающем неконтролируемую ситуацию [2; 5; 8 и др.]. Представляется важным в определении акциональной контролируемости ситуации ввести основные параметры контроля — “волевое усилие”, намерение и “участие сознания” при совершении действия.

Таким образом, под *акциональной неконтролируемой ситуацией* понимается типовая содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной ситуации, а) отражающей такое положение дел, при котором осуществляемое действие не поддается контролю, в силу различных причин (отсутствие волевого усилия, участия сознания и др.) субъект не может влиять на процесс его совершения и/или последствия; б) опирающейся в своем выражении на элементы разных языковых уровней, взаимодействующие в высказывании. Ср.: *Все перевернулось перед глазами. Я преболно ударился обо что-то пятками, потом плечом и макушкой, выронил цилиндр и упал. Я был здорово ошарашен и не сразу понял, что лежу в узкой щели между печью и стеной... Подняв глаза, я с изумлением обнаружил на потолке рубчатые следы своих ботинок. Кряхтя, я выбрался из щели и осмотрел подошвы. На подошвах был мел* (А. и Б. Стругацкие). Действия субъекта, выраженные глаголами невольного осуществления “удариться”, “выронить”, “упасть”, являются неконтролируемыми, представляют собой непреднамеренную акциональную ситуацию падения или прыжка к потолку. Отмечается, что действие осуществлялось нецеленаправленно, невольно, неосознанно, свидетельствуют показатели с изумлением, ошарашен.

В настоящей работе предпринимается попытка комплексного анализа ситуации неконтролируемого действия, поэтому предлагается рассматривать неконтролируемую ситуацию на фоне описания ситуации контролируемости, т. е.

АНС как периферийная единица поля акциональности выявляется на основе тех или иных отклонений в структуре ядерной, контролируемой ситуации действия, в том числе и в структуре предиката. Для выявления структуры АНС необходимо представить структуру контролируемой ситуации и на основании изменения какого-либо параметра, отсутствия какого-либо структурного элемента квалифицировать акциональную ситуацию как неконтролируемую.

Приведем пример наиболее удачной, с точки зрения В. А. Плунгяна [6, 42], формализации представлений о контролируемой ситуации, предложенной в работе А. А. Зализняк: “Про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию P (или что ситуация P является контролируемой для X -а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием” [3, 140]. В исследованиях, посвященных контролю, представлены различные определения и классификации неконтролируемых ситуаций (А. А. Зализняк, И. Б. Шатуновский) и непреднамеренных действий (Н. Д. Арутюнова и др.). Однако в этих работах практически не рассматриваются ситуации с несколькими участниками, хотя не вызывает сомнений тот факт, что “одна и та же ситуация может быть контролируемой для одного субъекта и неконтролируемой для другого” [3, 139].

В связи с такой постановкой проблемы необходимо ввести понятие *макроситуации* контролируемости, в которой действуют два субъекта: субъект контроля и субъект действия, а контролируемую ситуацию с одним действующим субъектом рассматривать как ее частный случай. При этом, как показал языковой материал, для контролируемой ситуации релевантны следующие условия:

1) субъект контроля должен обладать более высоким статусом, чем субъект действия (иметь высокое социальное положение, высокий интеллектуальный уровень, владеть необходимой информацией, иметь способность осуществлять самоконтроль и пр.);

2) субъект контроля должен владеть инструментом контроля, т. е. осуществлять контролирующие действия, в том числе и речевые (приказ, распоряжение, просьба), владеть необходимой информацией, иметь возможность наблюдения, применения силовых методов и пр.;

3) взаимодействие субъекта контроля и субъекта действия посредством инструмента контроля должно приводить к реализации потенциальной ситуации, желательной для контролера.

С учетом этих положений структура макроситуации контроля может быть представлена в следующем виде:

$$S_{\text{контроля}} (S_{\text{действия}} + \text{действие}) + \text{Instr}_{\text{контроля}} \Rightarrow \text{потенциальная ситуация}$$

Проиллюстрируем данную схему примером: *Но в любой рыночной стране государство в этом случае не самоустраняется, а берет ситуацию под контроль и скупает часть зерна по твердым, фиксированным и достаточно высоким ценам, тем самым стабилизируя рынок* (“Известия”). В этой ситуации контролером является государство, субъект действия не эксплицирован, инструмент контроля — действие “скупать”, потенциальная ситуация — стабилизация рынка.

Акциональная ситуация получает статус неконтролируемой в том случае, когда а) действие субъекта осуществляется без участия сознания, что может сопровождаться неправильным выбором инструмента или объекта действия, отсутствием какой-либо фазы в осуществлении действия, или б) осуществление действия является ненамеренным и нецеленаправленным. При том или другом условии совершение действия необязательно приводит к наступлению желаемой субъектом потенциальной ситуации.

Как показал анализ высказываний, отражающих АНС, реализации семантики неконтролируемости способствуют увеличение количества субъектов ситуации, изменение таксономического класса субъекта, утрата сознательного и волевого начала в осуществлении действия. Это дает основание для выделения основных типов АНС, а также для выявления механизмов, создающих некоторые художественные эффекты в литературных произведениях.

Рассмотрим АНС, в которых наблюдаются количественные или качественные отклонения от схемы макроситуации контролируемости.

1. Отсутствие контроля может быть связано с чрезмерным увеличением числа контролеров. В данном случае имеет место **денотативное** усложнение ситуации, например: — *Что же произошло во всемирно известном Физико-техническом институте имени Иоффе? Правда, что его хозяйственные службы допустили разрыв отопительной системы? Почему им вовремя не помог город? Какие решения были приняты в институте на совещании с участием губернатора?* — *Думаю, будет правильнее, если все это вы адресуете институту... Все, что можно было сделать в этих условиях, город сделал. Да и в целом, думаю, повода для паники нет. Ситуация под контролем* (“Российская газета”). Несмотря на употребление фразы “ситуация под контролем”, данное положе-

ние вещей не может рассматриваться как контролируемое. Говорящий выстраивает цепочку посредников-контролеров (губернатор — город — институт — хозяйственные службы), снимает с себя ответственность посредством переадресации, находит причину произошедшего в действии стихии. Такая речевая стратегия может рассматриваться как способ манипуляции общественным сознанием.

Денотативное усложнение ситуации может происходить и в обратном направлении: за счет уменьшения количества субъектов ситуации. В этом случае субъект контроля и субъект действия являются одним и тем же лицом, однако они внутренне не тождественны друг другу, что находит выражение в употреблении возвратного местоимения: *он контролирует себя*, например: *Чувствуя свинцовую тяжесть в затылке, верный признак надвигающегося бешенства, — Кирилл все же сказал: — А что, ни у кого нет никаких дел?... И осторожно, строго контролируя себя, притворил дверь* (Т. Устинова). Субъект контроля рационален, его задача — сдерживать эмоции, осуществлять те действия, которые соответствуют его представлениям о нормативном поведении. Лицо, не способное контролировать свои действия, утрачивает не только контроль над ситуацией в целом, но и собственный статус.

2. Изменение таксономического класса субъекта ситуации является сигналом неконтролируемости действия. В следующем примере субъект контроля и субъект действия являются одним и тем же лицом. Однако этот тип ситуации характеризуется квазиразносубъектностью, что проявляется в наличии в структуре ситуации самостоятельно действующего квазисубъекта — имени неотъемлемой принадлежности (части тела). В данном случае можно говорить об **интерпретативном** усложнении ситуации. Субъект не способен сделать *волевое усилие*, поэтому *изображает* ситуацию действия как неконтролируемую: вследствие “активизации” инструмента действия — части тела — он теряет способность контролировать действия новоявленного субъекта контроля: — *Значит, что требуется? Перебороть этот рефлекс. Получил пенсию на почте. Пошел домой... И ноги у тебя сами поворачивают в сельмаг. А ты возьми пройди мимо... — Я хуже маяться буду* (В. М. Шукшин). В этом высказывании самостоятельным участником ситуации выступает квазисубъект “ноги”. Вследствие этого потенциальный контролер (дед) теряет способность к самоконтролю. Акциональная ситуация переводится в разряд неконтролируемых. Следует отметить, что прием метонимической подмены субъектов является регулярным языковым средством выражения неконтролируемой

акциональной ситуации и обладает большим интерпретационным потенциалом [4].

3. Неконтролируемость ситуации может быть связана с отсутствием контроля над той или иной фазой действия: начальной, средней или завершающей.

А. Отсутствие этапа обдумывания и формирования намерения приводит к неконтролируемости начальной фазы действия. В высказываниях, изображающих этот тип АНС, могут употребляться такие показатели неконтролируемости, как *сдуру, сглупил, недооценил*, например: *Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать. – Должно быть, на дворе холодно? – сказал он, обращаясь к Чубу. – Морозец есть, – отвечал Чуб. – А позволь спросить тебя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем? Он хотел не то сказать, он хотел спросить: “Как ты, голова, залез в этот мешок?” – но сам не понимал, как выговорил совершенно другое. – Дегтем лучше! – сказал голова. – Ну, прощай, Чуб! – И, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты. – Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! – произнес Чуб...* (Н. В. Гоголь).

Б. Отсутствие контроля над средней фазой действия приводит к неправильному выбору объекта действия: – *Владимир Ипатьич, эта анаконда из Смоленской губернии. Что-то чудовищное. Вы понимаете, этот негодяй вывел змей вместо кур, и, вы поймите, они дали такую же самую феноменальную кладку, как лягушки!* (М. А. Булгаков). Субъект действует намеренно, но в осуществлении действия (в выборе объекта) по каким-либо причинам происходит сбой, ошибка. Это происходит из-за того, что в какой-то момент действие совершалось *без участия сознания*, внутреннего “субъекта контроля”.

В. В ситуации неконтролируемости последней фазы действия можно говорить об осуществлении частичного контроля. Субъект прикладывает усилия, но контролируется только начальная фаза действия, поэтому достижение результата не вполне определяется усилиями субъекта. Успешность или неуспешность действий оценивается *post factum*: *Коржаков и компания пытались взять ситуацию под контроль, используя шантаж и силовое давление, но как только конфликт стал публичным, силовики проиграли* (“Политком.Ру”). В данной ситуации осуществляется попытка осуществления контроля. Контролер владеет инструментом контроля: он использует психологические приемы воздействия (шантаж и силовое давление), однако по независящим от субъекта контроля причинам его действия не достигают результата. Маркер *пытались* передает семантику конативности и частичной контролируемости ситуации.

4. Отсутствие контроля может быть связано с отсутствием инструмента контроля: *Хотя трейдеры в один голос твердят, что ситуация под контролем и Центробанк не даст рублю опуститься слишком сильно, а вице-премьер и министр финансов Алексей Кудрин заверил народ, что пересматривать среднегодовой курс, заложенный в бюджет-2002, не будут, с валютной политикой страна до сих пор не определилась* (“Известия”). Устойчивое положение на валютном рынке – потенциальная ситуация, которая должна быть реализована субъектом контроля (Центробанком) посредством некоторых принимаемых мер, в данном случае не названных. Поскольку контролер не располагает продуманным планом реализации потенциальной ситуации и вследствие этого не имеет инструмента контроля, то достижение ожидаемого результата остается под вопросом.

5. Неопределенность потенциальной ситуации также является фактором ослабления контроля. Отсутствие экспликации компонента “потенциальная ситуация” может быть оправданно, поскольку существует так называемое выводное знание. Однако субъект речи может на основании этого (намеренно или нет) затемнять смысл высказывания, например: *Представители Минздрава заверили премьера, что ситуацию контролируют, и она улучшится в самое ближайшее время* (“Известия”). Потенциальная ситуация, обозначенная как “улучшение”, или, как правило, не обозначенная вовсе, позволяет усомниться в способности субъекта контролировать ситуацию.

Таким образом, были выделены основные типы АНС, которые в своей структуре фиксируют *отклонения* от схемы контролируемой ситуации: 1) изменение количественного состава участников ситуации; 2) дезактуализация субъекта контроля; 3) неконтролируемость начальной, средней или завершающей фазы действия; 4) отсутствие или неправильный выбор инструмента контроля; 5) отсутствие представления о потенциальной ситуации.

Для дальнейшего исследования вариативности АНС представляется важным изучить взаимодействие параметров “волевое усилие” и “участие сознания” в осуществлении действия, способы их экспликации, а также средства выражения акциональной неконтролируемости. Не менее значимым является выявление преимущественно отражательных и преимущественно интерпретативных типов АНС. Представление контролируемой ситуации как неконтролируемой (и наоборот) может рассматриваться как стратегия речевого поведения в политическом дискурсе и других ситуациях убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 260 с.
2. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7-85.
3. Зализняк А. А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни / А. А. Зализняк // Логический анализ языка: модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 138-145.
4. Леонова А. В. Изменение таксономического класса субъекта в неконтролируемой акциональной ситуации как стратегия речевого поведения / А. В. Леонова // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: М-лы Междунар. науч.-практ. конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 112-115.
5. Петрова Г. В. Наречия “нарочно” / “нечаянно” и их роль в высказывании / Г. В. Петрова // Лексико-семантические структуры в языке и в речевой деятельности: Сб. ст. – М.: Б. и., 1983. – С. 175-184.
6. Плуноян В.А. Заметки о контроле / А. В. Плуноян, Е. В. Рахилина // Речь: восприятие и семантика: Сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 40-48.
7. Стеклова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции / Т. И. Стеклова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – 200 с.
8. Храковский В. С. Теория языкознания; Русистика; Арабистика / В. С. Храковский. – СПб.: Наука, 1999. – 449 с.
9. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение. Коммуникатив. перспектива. Прагматика / И. Б. Шатуновский. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 399 с.
10. Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 323-326.
11. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 248 с.

Рецензент – А. М. Шишлянникова.